

АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1917—1933 ГОДОВ

И. М. Краснов

Буржуазные историки США ныне, как никогда в прошлом, уделяют внимание истории советско-американских отношений. Их усилия направлены в основном на то, чтобы помочь государственным деятелям США оправдать их антисоветский внешнеполитический курс. При этом большинство американских авторов избегает делать ссылки на советские исследования и публикации. Много места в работах американских авторов занимают вопросы советско-американских отношений 1917—1933 гг., то есть в период непризнания СССР правительством США. В разработку этой проблемы существенный вклад внесли советские историки. Вышли из печати работы: «Советско-американские отношения, 1917—1939 гг.» (М. 1964) В. К. Фураева; «СССР и США. Их политические и экономические отношения, 1917—1941 гг.» (М. 1965) В. А. Валькова; «Октябрьская революция и США, 1917—1922 гг.» А. В. Березкина (М. 1967); «Великий Октябрь и прогрессивная Америка. Сборник документов и материалов» (М. 1967), а также целый ряд брошюр, статей и рецензий, посвященных критике буржуазных концепций главным образом по истории Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны, политике США по отношению к Советской России в 1917—1920 гг., советской внешней политике¹. В рамках данной статьи ставится задача показать на конкретных фактах несостоятельность американских буржуазных

¹ С. И. Кузнецова, Б. Е. Штейн. Английская и американская историография Октябрьской революции, иностранной интервенции и гражданской войны в России. «Вопросы истории», 1956, № 11; Г. Г. Алахвердов. Фальсификация буржуазными историками США истории американской интервенции против Советской России в 1917—1920 гг. «Вопросы истории», 1958, № 11; И. И. Мишц. Новая вылазка фальсификатора истории американской интервенции в России. «История СССР», 1959, № 2; В. В. Лебедев и А. О. Чубарьян. Против антинаучного освещения истории Октябрьской революции в современной буржуазной историографии США и Великобритании. М. 1959; «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М. 1960; Г. А. Галоян. Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии. М. 1960; Н. Н. Яковлев. «Эксперт по России» Джордж Ф. Кеннан и уроки истории. «История СССР», 1960, № 5; А. Е. Кунина. Американская буржуазная историография о политике США в отношении Советской России в 1917—1920 годах. «Вопросы истории», 1960, № 10; ее же. Об агрессии американских империалистов против Советской России в 1918—1920 годах. «Военно-исторический журнал», 1961, № 1; И. М. Краснов. Некоторые вопросы истории Октябрьской революции в освещении американской буржуазной историографии. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М. 1961; Р. Ш. Ганелин. Некоторые вопросы ранних советско-американских отношений и современная американская историография. «Критика новейшей буржуазной историографии». М.-Л. 1961; А. О. Чубарьян. Брестский мир в американской и английской буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1962, № 3; В. А. Шишкин. Буржуазная историография и проблема мирного сосуществования. «Вопросы истории», 1962, № 9; Д. Н. Сташевский. Буржуазная литература США об американской помощи Советской России. «Вопросы истории», 1966, № 4, и др.

концепций по ряду коренных вопросов истории советско-американских отношений в 1917—1933 гг., развиваемых официальными представителями американской политики, дипломатии², видными буржуазными специалистами в области внешней политики и международных отношений — Дж. Кеннаном, Л. Фишером, Г. Робертсом, М. Шульманом, Ф. Мозли, Г. Фишером, Т. Бейли, Р. Браудером, Ф. Шуманом и другими³.

Каждый из названных выше авторов имеет свой «почерк», свой взгляд на американо-советские отношения. Одни авторы выступают с позиции реакционной буржуазной историографии, другие придерживаются умеренно буржуазного или буржуазно-либерального направления, допускающего в какой-то степени элемент научной добросовестности в освещении исторического процесса. Но объективно большинство из них содействует оправданию буржуазной политики, буржуазной идеологии. И это — то главное, что особенно характеризует буржуазную историографию в этой области истории.

Основное внимание буржуазной историографии США направлено на извращение истоков внешней политики СССР, в первую очередь одного из ее основных принципов — принципа мирного сосуществования. Представители этого направления уверяют, будто советская политика — это продолжение «империалистических традиций царизма». Они пытаются представить миролюбивую внешнюю политику СССР как «империалистическую», «захватническую», а принцип мирного сосуществования — как «коварный замысел коммунистов», цель которого — окружение «цивилизованного мира» и обеспечение «коммунистического господства». Эта линия нашла яркое выражение в коллективной работе научных сотрудников Русского института Колумбийского университета и Русского исследовательского центра Гарвардского университета. По заданию сенатской комиссии по иностранным делам эта группа научных сотрудников под руководством Г. Робертса, бывшего директора Русского института, и М. Шульмана, бывшего заместителя директора Русского исследовательского центра, ныне директора Русского института Колумбийского университета, подготовила и выпустила в свет труд «Внешняя политика Соединенных Штатов, СССР и Восточная Европа»⁴. В нем говорится, что политика «мирного сосуществования» (заметим, это выражение они всюду берут в кавычки. — И. К.) — это всего лишь

² «Committee on Russian-American Relations. The American Foundation». N. Y. 1930; «The United States and the Soviet Union. A Report on the Controlling Factors in the Relation Between the United States and the Soviet Union». N. Y. 1933; «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1932». Vol. II. Washington. 1947; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933—1939». Washington. 1952.

³ G. F. Kennan. American Diplomacy. 1900—1950. Chicago. 1951; e j u s d. Soviet-American Relations, 1917—1920. Vol. I. Russia Leaves the War. Princeton. 1956. Vol. II. The Decision to Intervene. Princeton. 1958; e j u s d. Soviet Foreign Policy, 1917—1941. N. Y. 1960; e j u s d. Russia and West under Lenin and Stalin. Boston. 1961; e j u s d. Memoirs 1925—1950. Boston—Toronto. 1967; L. Fischer. The Soviets in World Affairs. N. Y. 1960; e j u s d. United States Foreign Policy. USSR and Eastern Europe. Washington. 1960; H. Roberts. Russia and America. Dangers and Prospects. N. Y. 1956; Ph. E. Mosely. The Kremlin and World Politics. Studies in Soviet Policy and Action. N. Y. 1960; H. H. Fisher. The Communist Revolution. An Outline of Strategy and Tactics. Stanford. 1955; Th. A. Bailey. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day. Ithaca. N. Y. 1950; R. P. Browder. The Origins of Soviet-American Diplomacy. Princeton. 1953; P. Filene. Americans and the Soviet Experiment. 1917—1933. American Attitudes toward Russia from the February Revolution until Diplomatic Recognition. Cambridge, Mass. 1967; F. L. Schuman. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. N. Y. 1957; D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins. Vol. I. 1917—1950, vol. II. 1950—1960. N. Y.—L.—Milan, Athens and Tokyo. 1961; W. A. Williams. American-Russian Relations, 1781—1947. N. Y.—Toronto. 1952.

⁴ «United States Foreign Policy. USSR and Eastern Europe. A Study Prepared at the Request of the Committee of Foreign Relations United States Senate...». Washington. 1960.

«идея», «технический термин в советском языке». Советская внешняя политика, по их утверждению, будто бы «периодически изменялась на протяжении своей истории; периоды воинственного наступления сменялись периодами консолидации и кое-какими попытками к примирению, причем эта смена зависела от того, как советские деятели оценивали существующую в тот или иной период ситуацию». «В формальном смысле слова,— продолжают авторы,— идея «мирного сосуществования» появилась в обиходе еще в первые годы Советской власти»⁵, но якобы только в отдельные периоды эта идея выдвигалась в советской политике на первый план. Таких периодов, по мнению американских «советоведов», было по меньшей мере два: первый — в начале двадцатых годов, когда В. И. Ленин требовал «передышки», чтобы восстановить страну после революции, гражданской войны и интервенции; второй — в середине тридцатых годов, когда Советское правительство стремилось к созданию «народных фронтов» против Гитлера. Период сотрудничества между Советским Союзом и западными союзниками в годы второй мировой войны, продолжают они, «можно назвать третьим периодом «мирного сосуществования», поскольку в эти годы советская сторона не высказывала громко свои взгляды о коренных расхождениях ее интересов и интересов западных держав». За каждым из этих периодов мирного сосуществования будто бы «следовал период воинственности, в течение которого для обеспечения интересов советской политики использовались более революционные средства, а тема принципиальной враждебности между Советским Союзом и некоммунистическими странами вновь выступала на передний край»⁶.

Еще до победы социалистической революции в России В. И. Ленин в ряде своих работ: «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Внешняя политика русской революции», «Задачи революции», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и других — развивал идеи мирного сосуществования. Незамедлительно, в первые же часы рождения Республики Советов, Советское правительство во главе с В. И. Лениным объявило войну войне во имя утверждения мира на земле. Оно обратилось к воюющим странам и народам с Декретом о мире и пошло на огромные жертвы, приняв тяжкий, унижительный Брестский мир, чтобы проложить советскому народу путь к миру. Англия, Франция, США, Италия, Япония и другие страны на эти мирные шаги Советской республики ответили объединенным вооруженным антисоветским походом. Американская и англо-французская буржуазия утверждала, будто подписание Советским правительством Брест-Литовского договора о мире с Германией было актом «предательства». В. И. Ленин в письме к американским рабочим (20 августа 1918 г.) по этому поводу не без возмущения заметил: «Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает «вину» за Брестский мир на нас. Как раз капиталисты тех стран, от которых зависело превратить Брест во всеобщие переговоры о всеобщем мире, они же и выступают «обвинителями нас!»⁷. Действительными предателями народных масс, истекавших кровью в империалистической войне, были не большевики, не Советское правительство, а международный империализм, которому война приносила огромные прибыли.

В феврале 1918 г. В. И. Ленин в статье «Тяжелый, но необходимый урок» писал: «Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали *на деле* наш разрыв с империализмом. Мы расторгли и опубликовали грязные и кровавые импе-

⁵ Ibid., pp. 6—7.

⁶ Ibid., p. 7.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 53.

риалистские договоры-заговоры. Мы свергли *свою* буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся *нами* народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России»⁸.

Авторам из Колумбийского, Гарвардского и других ведущих университетов Америки, несомненно, хорошо известны мирные предложения, сделанные Советским правительством правительству США как в 1917 г., так и в последующие годы. Известно, что не все эти предложения удалось скрыть от народа. Так, в 1919 г., в период пребывания официальной миссии У. Буллита в Советской России, мирные предложения В. И. Ленина нашли широкое отражение в американской печати, а также в отчетах конгресса тех лет. 6 апреля 1919 г. была опубликована в газете «New York Times» статья корреспондента Р. Алана о его беседе с У. Буллитом и Л. Стеффенсом по поводу их переговоров в Москве с В. И. Лениным. У. Буллит и Л. Стеффенс заявили, что В. И. Ленин желает «установить связи с остальным миром в соответствии с общепризнанными принципами международных отношений, если союзные войска будут выведены из всех частей царских владений, включая Сибирь», что он «желает вступить в дружественные отношения с великими державами»⁹. В сентябре 1919 г. В. И. Ленин писал о том периоде, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»¹⁰. В феврале 1920 г. берлинский корреспондент американского информационного агентства «Universal Service» Карл Виганд обратился к В. И. Ленину за разъяснением политики Советского правительства в отношении США. На вопрос: «Основы мира с Америкой?» — В. И. Ленин ответил: «Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем». На вопрос: «Препятствия для такого мира?» — В. И. Ленин ответил: «Никаких с нашей стороны. Империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов»¹¹. Здесь со всей ясностью и определенностью раскрыта суть миролюбивой политики Советского государства¹².

Другой проблемой истории советско-американских отношений, интересующей американских авторов, является история интервенции западных стран против Советской России (1918—1920 гг.). Они всячески пытаются убедить читателей, что антисоветская политика США — это всего лишь «ответ на советский вызов»¹³.

Г. Фишер, бывший профессор истории Стэнфордского университета, почетный редактор журнала «Slavic Review», в книге «Коммунистическая революция. Очерк стратегии и тактики» пытался найти истоки «холодной войны» в самом факте победы Великой Октябрьской социалистической революции¹⁴. В том же плане выступил профессор М. Шульман. В рецензии на книгу бывшего посла в СССР Дж. Кеннана «Россия и Запад при Ленине и Сталине» (1961 г.) М. Шульман, солидаризируясь с ее автором, пишет, что у советских историков якобы нет никаких оснований для заявлений о том, что союзники «отказались от руки дружбы, протянутой им в первые месяцы существования Советской власти, и тем самым лишились реальных возможностей сотрудничества с советским режимом». Причины «враждебности между Совет-

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 395.

⁹ Цит. по: Ю. Шарков, В. Шукин. В. И. Ленин о мирном сосуществовании (новые материалы). «Новая и новейшая история», 1962, № 6, стр. 6.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 197.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 145—146.

¹² Подробнее об этом. см.: В. А. Шишкин. Указ. соч., и др.

¹³ «United States Foreign Policy. USSR and Eastern Europe...», p. 55.

¹⁴ H. H. Fisher. Op. cit., p. 34.

ским Союзом и Западом», по словам Дж. Кеннана и рецензента М. Шульмана, «коренятся в советском мировоззрении»¹⁵.

По «логике» Г. Фишера, Дж. Кеннана, М. Шульмана получается, что раз произошла в той или иной стране социальная революция, не отвечающая интересам американской или другой буржуазии, значит, с этой страной немислимы нормальные отношения. Признавая некоторые недостатки и ошибки правительств стран Запада в проведении иностранной интервенции в России, Дж. Кеннан и М. Шульман вместе с тем заявляют, что интервенция являлась всего лишь «отражением сложной путаницы мотивов английского и французского военных штабов, территориальных appetites Японии и многочисленных забот Вудро Вильсона» и что она якобы «никогда не была серьезной попыткой со стороны союзников задушить молодой большевистский режим»¹⁶. И если западные страны организовали интервенцию в России, то главная ответственность за это, согласно «интерпретации» американских реакционных историков, ложится на коммунистов, поскольку их мировоззрению якобы присуща «враждебность».

В несколько другом аспекте этот вопрос рассматривается профессором истории международных отношений и одним из редакторов журнала «Current History», Ф. Шуманом. Он признает, хотя и с некоторыми оговорками, что истинной целью интервенции было «уничтожить советский режим». Но вместе с тем он далеко не последователен. Неудача антисоветского крестового похода, по его мнению, «объясняется тем, что Запад плохо знал народ России» и западные политики будто были «нерешительны» в своих антисоветских действиях. «Если бы то, что было задумано, было смело осуществлено надлежащими военными силами и денежными средствами, — пишет Ф. Шуман, — советский режим мог бы быть уничтожен, как Парижская коммуна была потоплена в крови солдатами Национального Собрания в 1871 году»¹⁷. Но то, что в действительности было сделано западными союзниками в отношении Советской России, замечает Ф. Шуман, было грубой ошибкой. «Последствия ее (то есть интервенции. — И. К.), о которых столь мало думали авторы этого предприятия — тогда напуганные и несведущие, — продолжает Шуман, — навсегда отравили отношения между Востоком и Западом, явились в значительной степени причиной второй мировой войны и последующей «холодной войны», утвердили подозрения и ненависть в отношениях между обеими сторонами, которые даже теперь могут привести к самой страшной катастрофе в будущем»¹⁸.

Но говорить о «нерешительности» союзников в проведении вооруженной антисоветской интервенции, изображать авторов интервенции против молодой Советской России людьми «напуганными» и «несведущими», мало думавшими о последствиях в отношениях между Советской Россией и Западом, — значит по меньшей мере смотреть на факты наивно. Известно, что Советская Россия с первых дней своего существования предложила мир и дружбу всем государствам и народам. Организаторы интервенции верили в мощь империалистических государств и рассчитывали в союзе с русской контрреволюцией легко и быстро покончить с Советской властью. Но интервенция потерпела крах, так как интервенционистские действия были авантюрой, чуждой и непонятной народам западных стран. Так, в декабре 1920 г. влиятельный сенатор республиканской партии Г. Норрис, выступая с протестом против блокады России, сказал: «Наше правительство не позволяет торговать с Россией, потому что ему не нравится форма русского правления. Это глупая, бес-

¹⁵ «The New York Times Book Review», May 14, 1961, p. 1.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ F. L. Schuman. Op. cit., pp. 108—109.

¹⁸ Ibid.

смысленная политика, и она совершенно неправильна. Наше правительство не имеет никакого права диктовать другому народу, какое правительство он должен для себя избрать. Мы послали в Россию тысячи солдат и миллионы долларов и имеем право это делать не больше, чем посылать солдат в Канаду. Мы не воюем с Россией, и русское правительство не отбирает права у американских граждан. Многие наши юноши погребены под снегами русского Севера. Падение русского правительства предсказывалось каждые две недели с самого первого момента Октябрьской революции, но оно продолжает спокойно существовать, несмотря на сопротивление всего света»¹⁹.

Другой, не менее влиятельный в то время сенатор, В. Бора, также справедливо заметил: «Не было более феноменальной глупости, чем блокада России и отказ других наций вести с ней торговлю»²⁰. Выступая в сенате 5 сентября 1919 г. с протестом против посылки американских войск на помощь контрреволюционным силам в России, он вновь заявил: «Народ Соединенных Штатов не желает воевать с Россией. Если бы этот вопрос был поставлен на рассмотрение народа нашей страны, то он проголосовал бы практически единогласно против войны с Россией... В то время, как мы официально не находимся в войне с Россией — конгресс не объявлял войны, на деле мы ведем войну против русского народа, в России находится наша армия, мы поставляем военное снаряжение и амуницию другим вооруженным силам в России»²¹.

Профессор истории Висконсинского университета В. Э. Вильямс, автор книги «Американо-русские отношения» (1952 г.), отмечал, что планы и действия правящих кругов США по отношению к Советской России сводились к тому, чтобы удушить молодое Советское государство интервенцией, экономической блокадой, дипломатическим непризнанием и возродить в России угодную им капиталистическую систему. Он указывал, что правительство США в отношении Советского государства не замедлило сформировать ярко выраженную антисоветскую программу: не признавать правительства большевиков во главе с В. И. Лениным, ликвидировать его. Правительство США, пишет Вильямс, твердо решило сделать «все от него зависящее, чтобы оказать помощь любому серьезному и консервативному лидеру или группе, чьей целью явилось уничтожение Советского правительства»²².

Широко известно, что во время мирных переговоров между Советской Россией, с одной стороны, Польшей и другими государствами — с другой, государственный департамент США делал все возможное, чтобы затруднить достижение соглашения. Показательна в этом отношении нота от 10 августа 1920 г. государственного секретаря США Б. Колби итальянскому послу в Вашингтоне, в которой указывалось, что правительство США «не станет поддерживать, по крайней мере в настоящий момент, ни одного проекта, который стремился бы превратить переговоры о перемирии России с Польшей в общеевропейскую конференцию. Последняя имела бы, весьма вероятно, два последствия: с одной стороны, признание большевистского режима, а с другой — решение русского вопроса, неизбежно основанное на расчленении России»²³. В ноте указывалось как на «неоспоримый факт», будто Советское правительство правит Россией «против воли и согласия значительной части русского народа». Правительство США устами ярого антисоветчика Б. Колби заявило, что оно «не может признать настоящих пра-

¹⁹ «The New York Call», 18.XII.1920.

²⁰ Ibid.

²¹ «Congressional Record». Vol. 58, pt. 4, pp. 4085, 4229.

²² W. A. Williams. Op. cit., p. 105.

²³ «Советско-американские отношения, 1919—1933 гг. Сборник документов по международной политике и международному праву» № 9, М. 1934, стр. 41.

вителей России как правительство, с которым могут быть поддерживаемы дружественные отношения»²⁴.

В ответ на эту ноту Народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин 10 сентября 1920 г. писал: «Г-н Колби глубоко ошибается, полагая, что только при условии господства в России капиталистического строя возможны нормальные отношения между ней и Северной Америкой. Мы считаем, наоборот, необходимым в интересах как России, так и Северной Америки установление между ними уже теперь, несмотря на противоположность их социального и политического строя, вполне корректных и лояльных мирных дружественных отношений, необходимых для развития между ними товарообмена и для удовлетворения экономических потребностей той и другой стороны»²⁵.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что не Советское правительство культивировало враждебную политику по отношению к США, а правительство В. Вильсона по отношению к Советской России. Ведь это правительство В. Вильсона постаралось принять постановление от 17 декабря 1920 г. о высылке из США Л. К. Мартенса, который находился там около двух лет в качестве представителя РСФСР. В связи с этим Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин в телеграмме Л. К. Мартенсу писал: «Ваша телеграмма от 18 декабря с уведомлением о решении правительства Соединенных Штатов выслать Вас из пределов страны получена. Враждебное отношение настоящего американского правительства, выявленное в этом акте, не может отражать мнения американского народа, в частности, американских рабочих, которые уже дали так много доказательств своего сочувствия русским рабочим и крестьянам, принятых нами с чувством глубокого удовлетворения»²⁶.

Как далее складывались советско-американские отношения и внесло ли что-либо принципиально нового в дело нормализации этих отношений правительство У. Гардинга, пришедшее на смену правительству В. Вильсона в начале марта 1921 года? На этот вопрос ответ можно дать только отрицательный. 20 марта 1921 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в своем обращении к конгрессу и президенту США У. Гардингу писал: «С первых же дней своего существования Советская Россия надеялась на возможность скорого установления дружественных отношений с великой Северо-Американской Республикой и твердо рассчитывала, что между обеими Республиками создадутся тесные и устойчивые связи к взаимной выгоде»²⁷. ВЦИК обращал внимание конгресса и президента США на тот факт, что Советская Россия заключила договоры уже со многими государствами и установила с ними нормальные отношения и что отсутствие таких отношений с США представляется Советской России особенно ненормальным и вредным для обоих народов. ВЦИК предлагал разрешить вопрос о деловых отношениях и возобновлении торговли между Советской Россией и Америкой²⁸. В ответ на это предложение ВЦИК правительство США, хотя в своем заявлении от 25 марта того же года и утверждало, что оно «относится с глубоким участием и серьезным сочувствием к тяжелому положению русского народа и желает помочь всеми мерами и содействовать всяким возможностям для восстановления торговых отношений на прочном фундаменте», на деле же требовало от Советской республики восстановления частной собственности, буржуазного строя. Суть этого заявления-ультиматума в следующем: до тех пор, пока в Советской России не будут произведены «коренные изменения, предусмат-

²⁴ Там же, стр. 43.

²⁵ «Документы внешней политики СССР». Т. III. М. 1959, стр. 176—177.

²⁶ Там же, стр. 430.

²⁷ Там же. Т. IV. М. 1960, стр. 9.

²⁸ Там же, стр. 10.

ривающие надлежащую неприкосновенность личности и собственности и установление существенных для поддержания торговли условий», до тех пор правительство США «не может считать, что существует надлежащая база для рассмотрения вопроса о торговых сношениях»²⁹. В обоснование своего отказа развивать нормальные торговые отношения между США и Советской Россией государственные деятели США в начале 20-х годов прибегли к так называемой «теории гигантского экономического вакуума», утверждающей, «что существующая экономическая система в России сделала невозможным нормальное производство, а потому она сделала также невозможным для других стран развивать нормальные торговые отношения с Россией»³⁰. Однако все те государства, которые желали поддерживать нормальные отношения с Советской республикой, не находили в Советской России такого «экономического вакуума» и с пользой для своих стран и дела мира развивали эту торговлю.

Администрация Гардинга продолжала держаться антисоветского курса. Государственный секретарь Юз неоднократно повторял, что переговоры с Советским правительством невозможны, пока не освобождены все американцы, находившиеся в Советской России под арестом, среди которых были, как известно, и участники заговоров против Советского правительства. Эти и другие подобного рода необоснованные требования показывали, что агрессивно настроенные правящие круги США не намерены были отказаться от продолжения враждебной антисоветской политики, направленной на удушение Советской республики и восстановление капитализма, а также привилегий американских монополий.

Не одолев Советскую Россию с помощью вооруженной силы, реакционные круги США и других капиталистических стран взяли курс на экономическую блокаду Советской страны. На этот раз они, воспользовавшись в 1921 г. стихийным бедствием, засухой в Советской стране, попытались использовать свою «филантропическую помощь» голодающим в России как средство политического давления на Советскую власть, как средство борьбы с нею.

Американские буржуазные авторы обычно усматривают причины голода в Поволжье и других районах России не столько в отсталости сельского хозяйства царской России, дезорганизации экономики в результате многолетней империалистической, а затем гражданской войны, не в стихийном бедствии, сколько в «эксперименте в области сельского хозяйства, который предприняло Советское правительство»³¹, в «социализме, коммунизме, большевизме»³². Но подобная точка зрения не выдерживает критики. Даже конгрессмен США Лондон (от штата Нью-Йорк) во время обсуждения законопроекта № 9548 в палате представителей об оказании помощи нуждающимся и голодающим в России вынужден был подвергнуть критике тех, кто взваливал вину за сложившееся тяжелое экономическое положение в России на Советское правительство. Он заявил, что потери России в войне превысили потери всех союзников, вместе взятых. При этом он отметил, что помощь правительства США антисоветским силам в значительной мере обессилила Россию и помешала ей наладить дружественные контакты со своими соседями. Блокада западных империалистических стран не давала возможности Советскому правительству закупить необходимое продовольствие за границей. «Выделение 20 000 000 долларов в фонд помощи голодающим Поволжья,— справедливо заявил конгрессмен,— по существ-

²⁹ Там же, стр. 10—11.

³⁰ «The United States and the Soviet Union. A Report on the Controlling Factors in the Relation Between the United States and the Soviet Union», p. 30.

³¹ G. F. Kennan. Soviet Foreign Policy. 1917—1941, p. 37.

³² «Congressional Record». Vol. 62, pt. 1, p. 428.

ву, лишь в очень ничтожной степени искупает грехи, которые мы совершили и совершаем против русского народа»³³.

«Что является источником бедствий, от которых теперь страдают русские?» — спрашивал 6 декабря 1921 г. сенатор М. Уотсон (от штата Джорджия) своих коллег в сенате. И отвечал: «Блокада, которую мы вместе с Англией объявили этой стране... Если мы, г-н председатель, признаем реально существующие факты и установим нормальные отношения с правительством России, мы сделаем больше для удовлетворения нужд русских, чем если мы отдадим им все медикаменты, которые имеются у военного министерства, или если мы пошлем им несколько миллионов бушелей зерна, которые мы можем послать в одну из областей»³⁴.

Эти заявления американских политических деятелей отчетливо показывают действительную цену политики «гуманизма», проводившейся правительством США в отношении народов Советской России. Буржуазные авторы США утверждают, будто Америка «никогда не оставалась глухой к гуманистическим призывам о милосердии»³⁵, будто ее «помощь» голодающим в Советской России в 1922—1923 гг. через АРА (Американскую администрацию помощи) — «дело чистого человеколюбия», в результате которого, «по трезвым подсчетам», якобы была спасена жизнь 11 млн. человек, треть из которых составляли дети и молодежь³⁶. Но так ли это в действительности?

Являясь министром торговли в правительстве Гардинга и председателем АРА, Г. Гувер в своем выступлении по радио 26 июля 1921 г. в ответ на обращение от 6 июля 1921 г. председателя Комиссии помощи голодающим ВЦИК М. Горького «Ко всем честным людям» оказать помощь голодающим в России, уверял, будто его организация «еще в прошлом году заявила о своей готовности предпринять это как дело чистого человеколюбия, совершенно лишённое всяких политических, социальных или религиозных побуждений»³⁷. Но эти слова были далеки от истины. Действительные цели АРА отчетливо видны даже из тех «некоторых условий», которые эта организация предъявила Советскому правительству при переговорах. Таких условий насчитывалось двадцать шесть. Г. Гувер ультимативно потребовал немедленно освободить американских граждан, находившихся в тюрьмах в пределах Советской России, осужденных за контрреволюционную деятельность, и разрешить другим американцам выехать из пределов России, а также предоставить для сотрудников АРА соответствующие гарантии прав на экстерриториальность и т. п.

В. И. Ленин 11 августа 1921 г. в записке в Политбюро ЦК РКП(б) писал: «Тут игра архисложная идет. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо наказать Гувера, *публично* дать ему пощечины, чтобы *весь мир* видел, и Совету Лиги наций тоже. Это сделать *очень трудно*, а сделать *надо*»³⁸. В послесловии к этой записке В. И. Ленин добавил: «Нужны тонкие маневры. Ряд мер, особо строгих. Гувер и Браун наглецы и лгуны. Условия поставить *архистрогие*: за малейшее вмешательство во внутренние дела — высылка и арест»³⁹.

Народный Комиссариат иностранных дел 19 августа 1921 г. также обращал внимание на вопиющее противоречие между заявлением АРА

³³ Ibid., p. 430.

³⁴ Ibid., p. 46.

³⁵ F. L. Schuman. Op. cit., p. 140.

³⁶ G. F. Kennan. Soviet Foreign Policy, 1917—1941, p. 38.

³⁷ «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 247.

³⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 53, стр. 110.

³⁹ Там же, стр. 111.

о помощи голодающим и ее требованиями. В сообщении говорилось, что в том упорстве, с которым представители АРА стремятся навязать Советскому правительству требования, абсолютно неприемлемые ни для одного независимого государства, сказываются цели, грозящие подрывом самим устоям нынешнего социального строя России и даже ее независимости⁴⁰. Советское правительство, естественно, не могло допустить, чтобы АРА «образовала в Советском государстве совершенно самостоятельное государство»⁴¹.

В результате принципиальной позиции Советского правительства руководителем АРА пришлось, чтобы целиком не разоблачить себя в глазах мировой общественности, отказаться от ряда притязаний, в частности на экстерриториальность их организации. В пунктах 12 и 25 соглашения между правительством РСФСР и Американской администрацией помощи от 20 августа 1921 г. было оговорено, что центральные или местные органы Советской власти имеют право быть представлены в создаваемых органах АРА, персонал АРА в России будет строго ограничиваться предоставлением помощи и не будет заниматься какой-либо коммерческой или политической деятельностью. Советское правительство настояло на праве требовать отзыва или увольнения со службы лиц из персонала АРА, нарушающих соглашения⁴².

Уже с первых недель своей деятельности в Советской России АРА своими антисоветскими действиями показала, что она была отнюдь не «лояльной» и отнюдь не «аполитичной», как ее пытались представить официальные круги США. Персонал АРА, во многом состоявший из военных, широко использовался для сбора всякого рода разведывательных сведений о Советской России⁴³. Член факультета Принстонского университета, в прошлом корреспондент в Советском Союзе, Л. Фишер в своей книге «Советы в международных отношениях» признал, что у Советского государства были основания «не доверять Гуверу». «Помощь русским в действительности была, — по словам Л. Фишера, — помощью фермерам (на Среднем Западе вместо древесного топлива топки набивали зерном)»⁴⁴.

Однако наиболее полное представление о характере американской «помощи» и ее действительных целях дают материалы заседаний второй сессии 67-го конгресса США (декабрь 1921 — февраль 1922 г.), касающиеся рассмотрения в сенате и палате представителей законопроектов № 2708 и № 9548. Первый — «О медицинском и больничном оборудовании для русского правительства» — предусматривал предоставление президенту США права передать безвозмездно через американские организации помощи из излишков в США медикаментов, медицинского и хирургического оборудования на сумму, не превышающую 4 млн. долларов первоначальной стоимости, и не позднее четырех месяцев со дня вступления в силу этого постановления⁴⁵. Второй билль предусматривал отправку в Россию зерна на общую сумму в 20 млн. долларов (включая расходы на доставку). Средства на его закупку предполагалось взять у «Зерновой корпорации», созданной правительством США во время войны и ликвидированной в конце 1921 года.

Высказывания в конгрессе сенаторов и членов палаты представителей по обоим законопроектам весьма примечательны для выявления подлинной политики «гуманизма» правящих кругов США по отношению к народам Советской России, оказавшимся в тяжелом положении в связи с разрухой и голодом в 1921—1922 годах. Так, член палаты предста-

⁴⁰ «Документы внешней политики СССР». Г. IV, стр. 280.

⁴¹ Там же, стр. 279.

⁴² Там же, стр. 283, 285.

⁴³ Там же, стр. 786.

⁴⁴ L. Fischer. The Soviets in World Affairs, p. 228.

⁴⁵ «Congressional Record». Vol. 62, pt. 11, pp. 1220—1223.

вителей Сабат (штат Иллинойс), мотивируя свое выступление 17 декабря 1921 г. в поддержку билля № 9548, сказал, что посылка сельскохозяйственных продуктов в Россию повысит спрос на излишки этих продуктов у американских фермеров и стимулирует экономическую деятельность в стране⁴⁶. Другой член палаты представителей, Роджерс, выступая за принятие этого билля, вместе с тем заявил, что американская помощь не укрепит «шаткий большевистский режим», а еще больше ослабит его позиции. «Если мы покажем этим попавшим в беду людям, что в дни тяжелых испытаний они не могут полагаться на большевистский режим, если мы сможем убедить их, что надеяться им нужно... на великую демократию за морем, то это поможет им понять, что для их собственного процветания им необходимо вернуться к истинно демократической форме правления»⁴⁷, то есть к капитализму. Их коллега Кокрэн (Нью-Йорк) предложил принять билль, мотивируя, что болезни и эпидемии, которые распространяются в России, могут перекочевать и в США⁴⁸. Фесс, член палаты представителей (Огайо), предложил распространить «помощь» только на Поволжье, пострадавшее от засухи. Русский народ, говорил он, «должен почувствовать плоды правления большевиков»⁴⁹. При обсуждении билля № 9548 в сенате 20—22 декабря 1921 г. сенаторы В. Кенион (Айова) и К. Нельсон (Миннесота) указывали, что покупка зерна для России облегчит крайне тяжелое положение американских фермеров, а потому билль можно подвести под графу о содействии «всеобщему процветанию»⁵⁰. Сенатор Р. Смут (Юта) добавил, что «помощь» России принесет со временем дивиденды США, так как после того, как Россия «в ближайшем будущем» избавится от «нынешнего правительства», она станет одной из великих держав с колоссальным рынком и огромными неиспользованными природными ресурсами, которые с выгодой для себя может использовать Америка⁵¹. Сенатор К. Нельсон считал, что американская помощь — это «двустороннее благо», так как польза от него будет не только Поволжью, но и американским фермерам⁵². Сенатор В. Кенион подчеркнул, что благодаря помощи голодающим в России будет нанесен вред «большевистскому режиму», так как русские увидят, что «у великой республики Запада есть сердце»⁵³. Сенатор Г. Хитчкок (Небраска) говорил, что фактически речь идет не о том, чтобы подарить 20 млн. долларов России, а о том, чтобы послать туда около 10 млн. бушелей зерна, которое все равно, по-видимому, будет использовано в США не иначе, как на топливо. Он подчеркнул при этом, что этот жест со стороны США произведет благоприятное впечатление на миллионы русских людей, которых «учили до сих пор, что весь остальной мир — их враги», а также на «правителей России»⁵⁴. Сенатор Л. Колт (Род-Айленд) заявил, что для блага Америки нужно позаботиться о благе такой обширной и богатой страны, как Россия⁵⁵.

Принятием в конгрессе биллей о «помощи» России и утверждением их президентом США предполагалось одновременно решить две проблемы: освободиться от малопригодных излишков медикаментов, не израсходованных в течение войны, и залежавшихся за время кризиса 1920—1921 гг. продовольственных товаров, с тем чтобы как-то оживить

⁴⁶ Ibid., pt. I, p. 454.

⁴⁷ Ibid., p. 468.

⁴⁸ Ibid., p. 471.

⁴⁹ Ibid., p. 487.

⁵⁰ Ibid., p. 566.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid., p. 569.

⁵³ Ibid., p. 574.

⁵⁴ Ibid., p. 569.

⁵⁵ Ibid.

американский рынок, а с другой стороны, нажать политический капитал в глазах американской и мировой общественности. Американские империалисты стремились тем самым облачить себя в мантию «человеколюбия».

Претворение в жизнь соглашения показало, что АРА отнюдь не была только «филантропической» организацией. Она явилась одним из орудий монополистической буржуазии, направленных на обеспечение прибылей капиталу. Помощь, предоставляемая АРА, обходилась Советской России гораздо дороже помощи других зарубежных организаций⁵⁶.

АРА во главе с Г. Гувером, взяв под свой контроль средства из фондов «помощи» голодающим России, и в частности из фондов американского Красного Креста, еврейского комитета «Джойнт», организаций квакеров и лютеран, попыталась было прибрать к своим рукам и средства, собранные рабочими и другими прогрессивными организациями («Друзья Советской России» и др.). Опираясь на поддержку госдепартамента, АРА стремилась сорвать движение американской прогрессивной общественности за оказание помощи голодающим в России. По этому поводу американский журнал «Freeman» 14 июня 1922 г. писал: «АРА, исходя из политических соображений, сделала все возможное, чтобы монополизировать все средства помощи»⁵⁷. Политика АРА подверглась разоблачению в прогрессивной американской печати. Рабочая газета «Voice of Labor» писала 17 февраля 1922 г.: «Да будет проклят Гувер и его политика! Русский народ — это наш народ, плоть от плоти и кость от кости. Он принадлежит к нашему классу, и мы будем его поддерживать»⁵⁸. Эта же газета в номере от 5 мая в своей редакционной статье «Г-н Гувер — вы лжете!» показала суть лживого заявления Г. Гувера от 17 апреля 1922 г., которым он пытался убедить президента У. Гардинга и его кабинет в том, будто бы отпала необходимость в реализации всех 20 млн. долларов, ассигнованных конгрессом для оказания помощи голодающим русским. И это заявление было сделано Гувером в то время, когда в Советской России еще насчитывалось от 5 до 6 млн. голодающих⁵⁹.

Советское правительство сделало все возможное, чтобы преодолеть голод в кратчайший срок. С весны 1921 по осень 1922 г. в Поволжье и другие районы оно направило для голодающего населения свыше 160 млн. пудов зерна⁶⁰. Только в 1922 г. Советское правительство уплатило за продовольствие, поставленное из США через АРА, 12,2 млн. долларов золотом⁶¹. Утверждение американских буржуазных авторов, будто бы США своей помощью через АРА спасли от голода 11 млн. человек в Советской России, явно неправомерно. Несомненно, американское зерно, медикаменты несколько облегчили положение с голодом и эпидемиями в Поволжье и других районах Советской России. Однако этим миллионам голодающих жизнь была спасена не АРА, а Советской властью. К тому же следует подчеркнуть, что если бы международный империализм, в том числе и американский, не вмешивался во внутренние дела Советской России (вооруженная интервенция, блокада, помощь контрреволюции и т. п.), то не потребовалась бы никакая «благотворительная» помощь со стороны, включая и Американскую администрацию помощи.

Советское правительство высоко оценило и оценивает искреннюю помощь голодающим Поволжья со стороны международного пролета-

⁵⁶ «Документы внешней политики СССР». Т. IV, стр. 786.

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ Цит. по.: А. А. Макаренко. Мировой пролетариат — Стране Советов. Киев. 1963, стр. 253.

⁵⁹ «Voice of Labor», 5. V. 1922, p. 3.

⁶⁰ «Всемирная история». Т. VIII. М. 1961, стр. 337.

⁶¹ См. В. К. Фурьев. Указ. соч., стр. 83.

риата, в том числе и американского. 4 июля 1923 г. председатель ВЦИК М. И. Калинин писал: «Помощь друзей Советской России в Америке, выразившаяся в снабжении нескольких тысяч детей в десятках детских домов, в присылке сотен тысяч комплектов одежды и огромного количества продовольствия и медикаментов, наконец, в присылке десятков тракторов,— помощь эта, которая материально может быть оценена более чем в 3 000 000 зол. руб., оказала существенно важную поддержку усилиям всего русского народа, направленным на борьбу с голодом и на восстановление нарушенного хозяйства страны»⁶³. Советские люди помнят об этой благородной помощи американских трудящихся. Как известно, попытки реакционных правящих кругов США использовать АРА для подрыва советского строя в России не увенчались успехом. Советская республика преодолела голод. По соглашению от 15 июня 1923 г. деятельность АРА на территории СССР была прекращена.

Большое место в американской историографии отводится обоснованию длительного непризнания Советской республики правительством США. Немалую роль в извращении исторической правды в вопросе американо-советских отношений сыграли сенаторы-реакционеры Х. Лодж, К. Питтман, В. Кинг, Д. Флетчер и др., а также многие члены палаты представителей. Они приводили следующие доводы непризнания Советского правительства: отказ Советского правительства выплачивать долги царского и Временного правительств; Советская Россия «не имеет морального права» быть признанной, так как в ней преследуется религия; Советское правительство стремится распространить свой «режим» на другие страны мира, большевики объявили войну «всем государствам, политическим и рабочим организациям»; признание не приведет к расширению торговли с Советской Россией и не даст реальных выгод Соединенным Штатам; Советское правительство не желает отказываться от ведения пропаганды и революционной деятельности в тех странах, с которыми оно поддерживает дипломатические отношения; Советское правительство — это небольшая группа «самоназначенных» людей, не представляющих интересы народов своей страны и выступающих за мировую революцию; Советское правительство, «контролирующее деятельность Коминтерна», стремится «свергнуть правительство США», следовательно, признание облегчило бы ведение антиамериканской пропаганды, направленной на «ликвидацию Соединенных Штатов»⁶⁴. Разумеется, подобного рода мнения о Советской России не имеют под собой реальной почвы. И все же эти «концепции» сенаторов и конгрессменов имели определенное влияние на общественное мнение в Соединенных Штатах, поскольку значительная часть американского населения была дезинформирована о Советской стране или же находилась в неведении. Более того, эти «дovоды» реакционеров легли в основу американской буржуазной историографии американо-советских отношений.

Однако среди сенаторов и членов палаты представителей были и такие, которые указывали на несостоятельность утверждений своих коллег в вопросе о непризнании СССР. Они выступали за признание СССР и нормализацию американо-советских отношений. В их числе были сенаторы В. Бора, Моррис, Томас, П. Норбек, О. Виллер и др. Суть их доводов сводилась к следующему: признание облегчит развитие торговых отношений с Советской Россией и создаст более благоприятные условия для обеспечения работой безработных; сотрудничество с Советской Россией поддержит мировую экономическую стабильность; нет реальных доказательств, что Советское правительство ведет подрывную

⁶³ «Документы внешней политики СССР». Т. VI. 1962, стр. 366.

⁶⁴ См. «U. S. Congressional Record», 71st Cong., 2nd Sess., IV, pp. 3474—3475, 3962, 4522—4523; 66th Cong., 3rd Sess., III, pp. 2208—2209; 68th Cong., 1st Sess., VII, pp. 7018—7025, 7060—7062; 67th Cong., 4th Sess., IV, pp. 4160—4168, etc.

пропаганду в Соединенных Штатах; народы России в первой мировой войне понесли такие огромные жертвы, которые не понесли другие народы союзных государств; Советское правительство прочно установило в стране свою власть; непризнание правительствами западных стран Советской страны может привести ее к союзу с Германией. Следует заметить, что эти доводы поддерживались меньшинством членов американского конгресса. И тем не менее резонанс этих доводов имел широкое распространение.

Наиболее последовательным из сенаторов, выступавших за признание Советского правительства, был сенатор Бора. Только с мая 1922 по март 1933 г. он внес на рассмотрение сената 7 резолюций, содержащих призыв к признанию Советского государства⁶⁵. Несомненно, что решительные и последовательные требования сенатора Бора и его коллег признать СССР сыграли для своего времени немалую положительную роль в формировании американского общественного мнения. Однако эти требования, как и требования некоторых других сенаторов и членов палаты представителей, тонули в антисоветской истерии, распространявшейся с трибуны конгресса.

Отмеченные выше «доводы» непризнания лишь наиболее типичные. Существуют и другие. Так, в качестве одного из аргументов непризнания СССР буржуазные историки США делают ссылку на отсутствие у американского правительства достоверной информации о Стране Советов. «Многие из стереотипных суждений, сложившихся у нас как у народа, о царях и коммунистах,— замечает историк Т. Бейли,— мало соответствовали фактам реальной действительности. Информация, которую мы получали о России, была в значительной своей части односторонней, извращенной или совершенно ложной»⁶⁶. Эта же мысль широко пропагандируется и в работах других буржуазных авторов. Так, Дж. Кеннан писал, что попытки различных американских организаций повлиять на ход событий в России до Великой Октябрьской социалистической революции были обречены на неудачу из-за целого ряда причин, оказавших влияние и на многие последующие усилия Америки в этом направлении. К числу этих причин Дж. Кеннан относит: «Незнание политических настроений и побуждений других народов; нехватка хорошо подготовленных кадров; упорное стремление говорить субъективно, пользуясь услужливым словарем американского идеализма, а не теми словами, которые могут иметь практический смысл для людей в других странах»⁶⁷. Действительно, большая часть официальных представителей американских организаций в России, а затем в СССР, поставляла недостоверные, а подчас и сфабрикованные фальшивки типа так называемых «сиссоновских документов» — «Германо-большевистский заговор» (октябрь 1918 г.). Но главная вина за распространение в США ложной информации о Советской России ложится не только и не столько на американских чиновников в Советской стране, сколько на госдепартамент, правительство и конгресс США. С санкции президента В. Вильсона была опубликована упомянутая фальшивка с благословения конгресса США — так называемый «Декрет о национализации женщин» в Советской России (1919 г.). Федеральные власти жестоко преследовали тех, кто пытался открыто в печати или устно рассказать истину о Великой Октябрьской социалистической революции в России, о Советской республике, а органы печати, посмеявшие печатать правдивую информацию о Советской стране, либо закрывались, либо подвергались гонению, а их редакторы — аресту.

⁶⁵ Ibid., 73rd Cong., 1st Sess., I, p. 9; S. Cohen. Congressional Attitudes towards the Soviet Union, 1917—1941. A Dissertation. Chicago. 1955. Microfilm, pp. 44—45.

⁶⁶ Th. A. Baily. Op. cit., p. VI.

⁶⁷ G. F. Kennan. Russia Leaves the War, p. 23.

Правительство США располагало наряду с ложной информацией своих официальных и неофициальных представителей и достаточными данными, свидетельствующими о прочности советского строя и искренней миролюбивой политике Советского правительства. Донесения ряда американских консулов из Советской России, прибалтийских государств, донесения, показания и статьи Р. Робинса, Дж. Рида, писателя Л. Стеффенса, деятеля рабочего и коммунистического движения У. Фостера, заявления и отчеты ряда представителей деловых кругов, посетивших СССР, содержали немало достоверного материала.

Некоторые авторы в оправдание политики непризнания ссылаются на установление «незаконного режима» в России. Объяснение причины того, что американское правительство поддерживало отношения с царским самодержавием, по мнению профессора истории Колорадского университета Р. Браудера, якобы нужно искать «в тех великих надеждах, которые Америка возлагала на создание демократического правительства в России». И эта надежда, заявляет Р. Браудер, оправдалась. Царизм был заменен Временным правительством. Но вот появились большевики и свергли это правительство, даже не дав ему возможность осуществить свою «конструктивную программу». «Предав, таким образом, нарождавшуюся русскую демократию,— заключает Р. Браудер,— коммунисты сами поставили себя вне рамок американской дружбы»⁶⁸. Другой историк, Г. Робертс, в книге «Россия и Америка» (1956 г.) утверждает, что источник напряженности как в американо-советских отношениях, так и во всем мире коренится в будто бы «тоталитарной» и «агрессивной» природе коммунистического строя, целью которого якобы является установление безраздельного господства над всеми странами. Что касается политики США, то она изображается им как политика «миролюбия» и «гуманности», направленная на обеспечение «всеобщего мира» и «благоденствия»⁶⁹. В унисон Г. Робертсу вторит У. Чемберлин, реакционный «специалист» по СССР, бывший корреспондент американской газеты «Christian Science Monitor» в Москве (1922—1933 гг.). Он пытался «обвинить» Советское правительство в том, что его деятельность начиная с 1917 г. будто бы всецело была направлена на распространение «мировой революции» любыми средствами⁷⁰. В числе других факторов, влиявших на отношение капиталистических стран, и в частности США, к СССР, Л. Фишер, например, считает то обстоятельство, что «Советское правительство не могло предложить иностранным государствам сколько-нибудь значительных политических выгод»⁷¹. Свою мысль он развивал так: «Соединенные Штаты, например, были не так богаты, чтобы пренебрегать близкими деловыми отношениями с Советским Союзом, но слишком богаты, чтобы ради этих торговых выгод допустить существенное отклонение от взятого ими политического курса. Однако, если бы Россия проявила готовность оказать поддержку американской политике в Китае или вообще на Дальнем Востоке, дипломатические отношения с Москвой показали бы Вашингтону гораздо более привлекательными»⁷².

Аргументы Дж. Кеннана, Т. Бейли, Р. Браудера, Г. Робертса, Л. Фишера и других не новы и не убедительны. Они вызывают критику даже со стороны их американских коллег, более трезво оценивающих развитие американо-советских отношений. Профессор В. Вильямс, рас-

⁶⁸ R. P. Browder. Op. cit., p. 4.

⁶⁹ H. Roberts. Op. cit., pp. 22—23, 81, 84, 249—251.

⁷⁰ W. H. Chamberlin. The Old Struggle. The New Tactics. «The Russian Review», January 1960, pp. 3—4.

⁷¹ L. Fischer. The Soviet in World Affairs., p. 610.

⁷² Ibid., p. 611.

сма­тривая концепцию Дж. Кен­на­на, не без оснований указы­вал: «Ведь сам Кен­нан, как заметил один его коллега по дипломатической службе, «постоянно морализует относительно поведения других государств». Так, например, он считал, что советский строй «неправилен, глубоко ошибочен» и что правление в нем осуществляется «посредством заговора, действующего внутри другого заговора». Его безо­говорочное отрицание того, что Советский Союз когда-либо рассматривал возможность сотрудничества с Соединенными Штатами, было еще одним моральным суждением, притом неверным с фактической стороны дела»⁷³. В другой своей работе В. Вильямс отмечает, что планы правящих кругов США в отношении Советского Союза сводились к тому, чтобы дипломатическим непризнанием, экономической блокадой, интервенцией и другими актами воспрепятствовать упрочению советского строя в России, а затем ликвидировать его и возродить систему капитализма в России⁷⁴. Ф. Шуман также признал, что руководство Наркоминделом во главе с Г. В. Чичериным, а затем и М. М. Литвиновым не оставляло попыток добиться признания Соединенными Штатами правительства СССР. Но эти попытки не принесли успеха, ибо «Америка 20-х годов была полна решимости не признавать коммунистического господства в России... Когда в марте 1921 г. М. М. Литвинов передал президенту У. Гардингу обращение М. И. Калинина, в котором предлагалось начать переговоры об урегулировании отношений, государственный секретарь Юз ответил, что «правительство США не может считать, что существует надлежащая база для рассмотрения вопроса о торговых отношениях» до тех пор, пока нет «убедительных доказательств» восстановления в СССР «полных гарантий частной собственности, святости договоров и права на свободный труд»⁷⁵. В данном случае Ф. Шуман не без оснований считает, что это было «неоправданное отсутствие официальных отношений» между двумя великими странами — США и СССР. Сенатор В. Бора в 1925 г. в одном из выступлений сказал: «Пока вы считаете сто пятьдесят миллионов людей в некотором смысле вне закона, нельзя думать, что вы можете обеспечить мир»⁷⁶.

Реакционная, антисоветская политика свидетельствовала об отсутствии должной мудрости и дальновидности у государственных деятелей США. «Американская дипломатия страдает каким-то провинциализмом, недостаточным познанием мировых отношений»⁷⁷, — метко подметил видный советский государственный деятель и дипломат Г. В. Чичерин в одном из своих выступлений. Этот «провинциализм» в политике наносил немалый вред делу нормализации отношений между США и СССР, делу мира. Ненависть к советскому строю долгое время побуждала правительство США держать почти закрытой дверь для торговли и экономических связей с Советским Союзом. Только под давлением рабочего класса, трудящегося фермерства и известной части представителей делового мира правительство США в 1921—1933 гг. временами несколько приоткрывало эту дверь, но при этом категорически отказываясь от дипломатического признания СССР. Основная торговля с СССР велась деловыми кругами США через голову своего правительства или через посредников из других стран. Некоторые реакционные круги и факт расширения торговли между США и СССР пытались использовать в качестве одного из доводов оправдания политики непризнания: «Зачем нам дипломатические отношения, когда у нас есть торговые и экономические связи? — доказывали они. — Непризнание улучшает торговлю».

⁷³ В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М. 1960, стр. 170.

⁷⁴ W. A. Williams. Op. cit., pp. 4, 132, 133, 136, 281.

⁷⁵ F. L. Schuman. Op. cit., p. 157.

⁷⁶ Цит. по: В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии, стр. 89.

⁷⁷ См. Г. В. Чичерин. Статьи и речи... М. 1961, стр. 157.

Какие же силы вынудили руководящие буржуазные круги США пойти на признание СССР и как объясняет этот акт американская буржуазная историография? Дж. Кеннан заявляет, что в течение всего периода, пока у власти в Вашингтоне находилась республиканская партия — с 1921 по 1933 г., — «правительство Соединенных Штатов упорно отказывалось признать советский режим, ссылаясь на ответственность советских руководителей за деятельность Коминтерна и на их позицию в вопросах о долгах и претензиях. Представитель демократической партии Франклин Рузвельт, ставший президентом в 1933 г., был сравнительно не заинтересован в этих вопросах. Однако его сильно беспокоила экспансия Японии в Восточной Азии. Он надеялся, как и советские руководители, что существование дипломатических контактов между Россией и Америкой может оказать на японцев сдерживающее влияние. Несомненно, что и приход Гитлера к власти в Германии усилил, по его мнению, необходимость в установлении дипломатических контактов с Советским правительством»⁷⁸. В этих рассуждениях, безусловно, есть доля правды. Угроза японского милитаризма и приход Гитлера к власти действительно оказали влияние на США в вопросе установления дипломатических отношений с СССР. Что касается вопросов об «ответственности» Советского правительства за деятельность Коминтерна и вопроса о долгах, то Ф. Рузвельт, как дальновидный политик, естественно, не придавал им сколько-нибудь серьезного значения, так как эти «претензии» служили лишь для антисоветской пропаганды. Дж. Кеннан, однако, умалчивает о главных причинах, побудивших правительство Ф. Рузвельта резко повернуть политический курс своих предшественников в отношении СССР и взять инициативу в вопросе об установлении нормальных отношений с СССР. Более откровенно по данному вопросу высказался Ф. Шуман. «В конце октября 1929 года в «черный четверг», — заявляет он, — была разбита американская мечта о бесконечном инфляционном процветании на основе биржевых спекуляций и продажи в рассрочку: на Нью-Йоркской бирже произошло вызвавшее всеобщую панику падение цен. К концу месяца рынок был полностью парализован. К концу года стоимость ценных бумаг корпораций сократилась на 15 млрд. долларов. За два года кризис обесценил акции на сумму в 50 млрд. долларов, привел к банкротству миллионы американцев и эту богатейшую страну на грань нищеты. В 1933 г. в стране насчитывалось 13 млн. безработных. К тому времени, когда закончился срок пребывания у власти правительства Г. Гувера, все американские банки закрыли свои двери. Американская экономика находилась в простратии»⁷⁹. Национальный доход США (по официальным данным) сократился с 81 084 млн. долларов в 1929 г. до 39 545 млн. долларов в 1932 г., то есть в два с лишним раза⁸⁰. США, как никакая другая капиталистическая страна, были охвачены и потрясены кризисом.

В то время, когда капиталистическая экономика, особенно экономика США, находилась в состоянии кризиса, экономика Советского Союза неуклонно развивалась. К концу 1932 г. промышленная продукция СССР возросла в 2,7 раза по сравнению с 1913 г., СССР превратился из страны аграрной в страну индустриально-аграрную; укрепилась его экономическая независимость. Теперь уже нельзя было не считаться с СССР. Восстановить мировую капиталистическую экономику, пораженную мировым экономическим кризисом, восстановить «мировое равновесие» было не так просто. В этих условиях настойчивые требования американских рабочих, прежде всего миллионов безработных, а также деловых кругов о необходимости признания СССР и расширения торговых

⁷⁸ G. F. Kennan. *Soviet Foreign Policy 1917—1941*, p. 80.

⁷⁹ F. L. Schuman. *Op. cit.*, pp. 162—163.

⁸⁰ См. «N. Y. Journal of Commerce», !2.XI. 1935.

и экономических связей не могли не оказать воздействия на правительство США. Признанию СССР, как уже отмечалось, способствовала возраставшая угроза делу мира в связи с агрессией японского империализма в Маньчжурии и обострением отношений между США и Японией, а также лихорадочной подготовкой германских фашистов к войне. Все это вынудило правящие круги США пойти на запоздалое признание СССР.

Буржуазная историография США и ныне все еще всячески пытается умалить значение установления дипломатических отношений. «Результаты признания,— по Дж. Кеннану,— были разочаровывающими для обеих сторон... Различные публичные заверения относительно пропаганды и других спорных вопросов, которых удалось добиться от Литвинова во время признания, оказались, как предсказывали эксперты госдепартамента, в значительной степени голословными»⁸¹. Дж. Кеннан делал упреки в адрес советской стороны в вопросе о так называемой «подрывной пропаганде» и невыполнении требований о «долгах и претензиях» американской стороны. Однако при этом он сознательно умалчивал о систематическом ведении антисоветской пропаганды в США, игнорировал законные контрпретензии советской стороны. И если торговые и экономические отношения между США и СССР после установления дипломатических связей не получили заметного развития, то это отнюдь не зависело от Советского правительства. В этом целиком повинны влиятельные реакционные круги США. Известно, что политическая и хозяйственная цель Советского государства как до признания его правительством США, так и после оставалась неизменной. Советское правительство выступало и выступает за развитие всесторонних экономических и культурных связей с Соединенными Штатами, как и со всеми другими странами, заинтересованными в сотрудничестве.

Президент Ф. Рузвельт придавал важное значение установлению дипломатических отношений с Советским Союзом и гордился тем, что в числе своих первых внешнеполитических актов он осуществил признание СССР. 21 октября 1944 г. Ф. Рузвельт заявил: «Приведу другой акт более раннего периода, которым я горжусь. Это — признание Советской России в 1933 году. В течение шестнадцати лет до этого американский народ и русский не имели никаких практических средств общения между собой. Мы восстановили эти средства. И сегодня мы сражаемся вместе с русскими против общих врагов»⁸².

Таким образом, установление дипломатических отношений между СССР и США несло выгоды не только этим странам, но и всем тем, кому дорог был мир. Это обстоятельство в какой-то мере сдерживало действия агрессивных сил в Европе и на Дальнем Востоке. Признание СССР облегчило возможность создания в годы второй мировой войны советско-американского союза борьбы против агрессивных сил германского фашизма и японского милитаризма. Ф. Рузвельт не без основания отметил в своей речи 21 октября 1944 г., что вклад русских в победу над общим врагом «был и останется гигантским»⁸³.

Американский историк Т. Бейли в книге «Америка и Россия: лицом к лицу» писал в 1950 г.: «Вряд ли найдется предмет, столь важный для нас теперь, как наши отношения с Советским Союзом, и вряд ли есть другие, столь же значительные проблемы, по поводу которых существует столь же много широко распространенных заблуждений. Следует надеяться, что ясное сознание наших взаимоотношений с Россией в прошлом даст нам возможность вести более разумную политику в отношении ее в будущем»⁸⁴. Этих «заблуждений» в современной буржуаз-

⁸¹ G. F. Kennan. Soviet Foreign Policy 1917—1941, p. 81.

⁸² «Правда», 15.IV.1945.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Th. A. Bailey. Op. cit. p. V.

ной историографии и поныне более чем достаточно. Однако процесс переоценок уже идет. Если в 1947 г. Дж. Кеннан убеждал американцев в правильности разработанного им политического курса «сдерживания», официально провозглашенного правительством Г. Трумэна, то в 1960 г. он уже выступил с предложением прекратить спор о том, кто же несет большую ответственность «за запутанный ход развития истории», и «взяться, например, серьезно, без взаимных обвинений за устранение главных и самых неотложных элементов этой опасности»⁸⁵. Он также писал: «Средства массового уничтожения делают еще более абсурдной идею, что планы всеобщей войны могут быть подходящими для защиты западного общества от такого вызова, который бросил нам русский коммунизм»⁸⁶. Профессор международных отношений, директор Европейского института при Колумбийском университете в Нью-Йорке Ф. Мозли наряду с неправильными утверждениями о том, что истоки непримиримой враждебности в послевоенном мире заключены «в советской идеологии», считает, что «еще можно достигнуть мира, основанного на взаимной терпимости»⁸⁷. Все это в какой-то степени показатель переоценок в американской историографии истории советско-американских отношений. С этой точки зрения представляют интерес высказывания профессора международных отношений Вандербилтского университета, бывшего советника госдепартамента Д. Ф. Флеминга. Рассматривая в своем двухтомном исследовании «Холодная война и ее причины» (1961 г.) вопрос, почему Запад проиграл «холодную войну», он указывает на целый ряд таких причин: «Мы надеялись на нашу атомную монополию и слишком недооценили советскую науку и советскую промышленность», «мы игнорировали силу образования и эволюции в коммунистических странах», «мы воспользовались переговорами для того, чтобы расстроить планы других народов», «мы не знали, что в «холодных войнах» нет победителей»⁸⁸. Д. Ф. Флеминг советовал отказаться от обанкротившейся политики «холодной войны». «Целью «холодной войны», — писал он, — является изоляция врагов и приобретение друзей, но сам процесс ведения «холодной войны» вызывает отвращение у друзей и порождает новых врагов»⁸⁹. Дж. Куниц в рецензии на цитированную книгу Д. Ф. Флеминга правильно подметил центральный тезис: Советскому государству с самого рождения (1917 г.) пришлось вести оборонительную борьбу против развития событий на Западе, которые находились не в сфере его контроля⁹⁰.

Факты истории свидетельствуют о том, что источники напряженности во взаимоотношениях между США и СССР как в период непризнания СССР (1917—1933 гг.), так и в послевоенные 1945—1968 гг. коренились и коренятся в политике империализма, и прежде всего империализма США. Но эти факты признают пока лишь немногие американские авторы.

⁸⁵ См. Юджин Деннис. О мирном сосуществовании. Критика «одной западной точки зрения». «Проблемы мира и социализма», 1960, № 4(20), стр. 19, 28.

⁸⁶ G. F. Kennan. *Russia and West under Lenin and Stalin*, p. 391.

⁸⁷ Ph. E. Mosely. *Op. cit.*, pp. 291, 303.

⁸⁸ D. F. Fleming. *The Cold War and its Origins. 1917—1960. Vol. II: 1950—1960*, pp. 1055, 1057, 1063, 1064, 1066, 1069, 1071, 1073, 1075.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 1071.

⁹⁰ Joshua Kunitz. *Exploring the Cold War*. «Monthly Review», February 1961, vol. 13, № 10, p. 485.